

**Суворовские традиции полководческого искусства  
генерал-фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова**

Величие великих полководцев в истории состоит в том, что они познали науку своих блестящих воинским дарованием учителей, основали собственную школу воинского искусства, через которую прошли их ученики. Сила стратегического мышления, тактических способностей таких полководцев видится прежде всего в том, что они стали продолжателями лучших традиций своих предшественников, школу которых они прошли на заре своего становления как военного вождя.

Для генерал-фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова такой школой стали «екатерининские турецкие войны» 1768–1774 и 1787–1791 годов, Польская кампания 1769 года. Они примечательны в его биографии тем, что дали сперва познакомиться с блестящими образцами суворовского военного искусства, а затем самому пройти школу «вождения войск» под началом непобедимого А.В. Суворова-Рымникского, будущего князя Италийского и генералиссимуса «всех российских войск», став одним из лучших его учеников.

Вероятнее всего, что первым письменным суворовским документом, с которым познакомился полковник М.И. Голенищев-Кутузов, будучи командиром Луганского пикинерского полка, был приказ генерал-майора А.В. Суворова по Кубанскому корпусу от 16 мая 1778 года. Несколько позднее этот «растиражированный» приказ дошел до Крымского корпуса и других русских войск, расквартированных в Малороссии. Луганский пикинерский полк размещался на Днепровской укрепленной линии.

В этом ставшем широко известном приказе А.В. Суворов подвел итоги своей деятельности на Кубани, подробно разбирая меры по организации войсковой службы, обучению разнородных войск, по сбережению здоровья подчиненных. В содержательной части приказа уже обозначились основные идеи суворовской «Науки побеждать», ставшей настольной книгой для всех последующих поколений русского воинства.

Основная часть приказа представляла собой наставление полевым войскам. Именно благодаря этому он был доведен до командиров полков действующей армии, расквартированной на юге России. В приказе говорилось о том, как надо строить каре для боя, как учить нижних чинов результативной стрельбе и штыковому удару, как учить кавалеристов атаке на саблях, а казаков – атаке с дротиками.

Свои взгляды на обучение кавалеристов А.В. Суворов излагал так: «Кавалеристов начинать экзерцировать (обучать строго. – *А.Ш.*) конному пехотою (по конному. – *А.Ш.*), в заезжании, форсировании на маршах, потом на конях большой атаке в полный карьер, на саблях и протчими для движения маневрами... Нужно соблюдение в эскадронах интервалов, для врубки сквозь оные второй кавалерийской линии, а между тем первая, при сильном опровержении противника, вмиг строитца по апеллю (сигнал в кавалерии для сбора после атаки. – *А.Ш.*)... Конница рубит и колет разбитых и рассеянных в тыл или для лутчего поражения стесняет на кареи... Пехотные огни открывают победу, штыки скалывают буйно пролезших в кареи, сабля и дротик победу и погоню до конца совершают»<sup>1</sup>.

Суворовский приказ по Кубанскому корпусу был одним из тех основополагающих документов, на основании которых М.В. Голенищев-Кутузов строил обучение и Луганского пикинерского

полка, и Мариупольского легкоконного полка (составленного из двух пикинерских – Луганского и Полтавского), которым командовал уже в звании бригадира.

Науку суворовской распорядительности и оперативности реагирования на выпады противной стороны М.И. Голенищев-Кутузов познал в ходе «замирения» Крымского ханства в 1782–1783 годах. В кутузовском формулярном списке записано, что с мая по конец 1783 года бригадир служил «внутри Крыма». Тогда восстание среди кочевников-ногайцев, составлявших восточное крыло ханства, отозвалось сильными волнениями среди крымских татар, направленными против своего правителя, находившегося под протекторатом России. Последнему хану Шагин-Гирею пришлось искать защиту у русского гарнизона, стоявшего в крепости Керчь.

Пример действий Суворова против кубанских ногайцев, одобренных светлейшим князем Г.А. Потемкиным, послужил хорошей службой русскому командованию в наведении порядка внутри полуострова. Бригадир М.И. Голенищев-Кутузов был назначен в Крым помощником генерал-поручика графа Де-Бальмена, но по сути дела действовал вполне самостоятельно. Первый кутузовский биограф Ф. Синельников отмечал:

«...Бригадир Голенищев-Кутузов находясь со своею бригадою в Крыму... участвовал самым деятельным образом во всех распоряжениях и мерах, которые приняты были к усмирению мятежников и к восстановлению тишины и спокойствия, за что награжден чином генерал-майора 24 ноября 1784 года»<sup>ii</sup>.

Русско-турецкую войну 1787–1791 годов генерал-майор М.И. Голенищев-Кутузов начинал в должности командира недавно сформированного им Бугского егерского корпуса с частями усиления

(три легкоконных полка, 12 орудий), находившегося «у закрытия границ по Бугу». Корпус входил в состав Главной действующей армии — Екатеринославской. Его соседом на театре скорой войны оказался генерал-аншеф А.В. Суворов, которому главнокомандующий армией Потемкин-Таврический поручил охранение боевого участка Херсон — Кинбурн, ограждавший от турецкого гарнизона в Очаковской крепости сухопутный путь в Крым.

В середине сентября 1787 года потемкинским решением Бугский егерский корпус передвигается частью сил к устью Буга. В приказе говорилось: «...Обстоятельства требуют подкрепить Херсонскую часть, ибо неприятель стал покушаться на Кинбурн<sup>iii</sup>. Прибыв к речному устью с тремя егерскими батальонами и двумя легкоконными полками, генерал-майор М.И. Голенищев-Кутузов поступает в непосредственное подчинение М.В. Суворова, державшего свою штаб-квартиру в Кинбурнской крепости.

В суворовских рапортах тех дней на главнокомандующего генерал-фельдмаршала Г.А. Потемкина часто упоминается имя командира корпуса бугских егерей: «...особливо Голенищева-Кутузова я о надлежащем уведомляю»<sup>iv</sup>, «Я ему упомянул о предосторожностях вверх Буга»<sup>v</sup>... То есть уже тогда А.В. Суворов увидел в молодом корпусном командире способного военачальника. Который понимал его замыслы по прикрытию Днепровско-Бугского лимана, города корабелов Херсона и Перекопа.

Из служебной переписки видно, как Суворов заботливо опекал подчиненного ему молодого генерала, напоминая ему о необходимости бдительности за действиями противной стороны, о соблюдении всех мер предосторожности при охране турецкой границы по Бугу. То есть это были предметные уроки о той осторожности, которая необходима

на войне. И которая должна составлять часть искусства способного военачальника.

Скоро М.В. Голенищев-Кутузов смог познакомиться с суворовскими действиями воочию. Это произошло под Очаковской крепостью, в осаде которой командир бугских егерей принял с двумя батальонами своих стрелков. Здесь генерал-майор стал свидетелем и участником отражения сильной вылазки осажденных (силой до 3 тысяч человек), которая состоялась 26 июля 1788 года. Вылазка началась с нападения турок на бугских казаков полковника П.М. Скаржинского, а закончилась большим боем, ожесточенным и кровопролитным. Руководивший отражением вылазки генерал-аншеф А.В. Суворов умело наращивал в месте схватки силы русских, что очаковцам с большими потерями пришлось отступить за крепостную ограду<sup>vi</sup>.

Для М.И. Голенищева-Кутузова тот бой под стенами Очакова стал наглядным уроком разумного наращивания сил на самом опасном для себя участке, концентрации усилий против главных неприятельских сил. Поучительным было то, что в дело русские осадные войска вводились не большой массой, а по-батальонно, что позволяло избегать больших неоправданных потерь в людях и реагировать на все изменения в боевой обстановке.

И в суворовской, и в кутузовской биографиях взятие Измаильской крепости стало «знаковой» вехой. В беспримерном для мировой военной истории Измаильском штурме сфокусировался полководческий талант А.В. Суворова-Рымникского, с блеском проявилось его военное искусство, традиции которого перешли в подобную кутузовскую школу ведения войн.

Уже тогда можно было говорить, что Голенищев-Кутузов, постигавший суворовскую «Науку побеждать», стал способным

учеником великого русского полководца. Это заметил и главнокомандующий светлейший князь Г.А. Потемкин-Таврический, который писал не знавшему доселе поражений генерал-аншефу: «Измаил остается гнездом неприятеля, и хотя сообщение прервано через флотилию, но все он вяжет руки для предприятий дальних. Моя надежда на Бога и на вашу храбрость. Много там равночинных генералов, а из того выходит всегда некоторого рода сейма нерешительного. Рибас будет Вам во всем на пользу и по предприимчивости и усердию. Будешь доволен и Кутузовым...»<sup>vii</sup>

Суворов к тому времени уже по достоинству оценил кутузовское дарование, прочя ему на военном поприще большое будущее. Это подмечали не только он, но и современники. Так, граф Г.И. Чернышев в письме, отправленном из осадного лагеря под Измаилом генерал-майору С.Ф. Голицыну 26 ноября 1790 года, замечает следующее:

«Все того мнения, что как только Суворов прибудет, город возьмут нечаянным нападением, сразу приступом... Что странно, так это то, что корпус Кутузова заставляет их (турок. – *А.Ш.*) дрожать...»<sup>viii</sup>

Штурм Измаила для начальника шестой колонны русских войск, которой предстояло брать бастионы Новой крепости в районе Килийских ворот, генерал-майора М.И. Голенищева-Кутузова стал уроком настойчивости на войне. Настойчивости в достижении поставленной цели, в добывании окончательной победы над врагом. В ходе приступа, когда в рядах шестой колонны остались только единицы офицеров, ее начальник признал необходимость отступить от крепости на дальность ружейного выстрела.

О своем решении он известил А.В. Суворова, внимательно наблюдавшего за ходом атаки на крепость. В ответ генерал-аншеф

передал: «Я донес уже в Петербург о покорении Измаила, а Кутузова назначаю измаильским комендантом»<sup>ix</sup>.

В победной реляции генерал-фельдмаршалу Г.А. Потемкину-Таврическому А.В. Суворов самым высоким словом оценил действия генерал-майора М.И. Голенищева-Кутузова при штурме Измаила. Он писал в Яссы, в ставку главнокомандующего:

«Достойный и храбрый генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов мужеством своим был примером подчиненным и сражался с неприятелем. Но множество оно остановило на первый миг распространение по валу и для сего призвал он Херсонский полк, в резерве стоящий... С прибытием резерва неприятель не токмо отражен, но и знатною частию побит... Генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов оказал новые опыты искусства и храбрости своей, преодолев под сильным огнем неприятеля все трудности, влез на вал, овладел бастионом, и, когда превосходный неприятель принудил его остановиться, он, служа примером мужества, удержал место, превозмог сильного неприятеля, утвердился в крепости и продолжал потом поражать врагов...»<sup>x</sup>

Полководец подытожил измаильскую характеристику М.И. Голенищеву-Кутузову следующими словами: «Он шел у меня на левом крыле, но был правою моею рукою»<sup>xi</sup>.

Как оценивал сам А.В. Суворов познание М.И. Голенищевым-Кутузовым своего военного искусства, своей полководческой школы? Тому есть свидетельство. Назначенный комендантом поверженного Измаила, генерал-майор, вступив уже в эту должность, шуточно спросил Суворова, что значит назначение его комендантом в то время, когда до взятия турецкой крепости было еще далеко. Тот ответил так: «Ничего! Кутузов знает Суворова, а Суворов

знает Кутузова. Если бы не взяли Измаил, Суворов умер бы под его стенами, и Кутузов тоже»<sup>xii</sup>.

Получив назначение чрезвычайным и полномочным послом в Турцию, генерал-поручик М.И. Голенищев-Кутузов не забывал своего наставника в военном искусстве. Он информировал графа А.В. Суворова-Рымникского, в то время вступившего в командование войсками Екатеринославской губернии и Тавриды, о военных приготовлениях султанской Турции. Зная при этом, что такая информация разведывательного характера в случае новой войны послужит полководцу хорошую службу.

Так, генерал-аншеф А.В. Суворов получил весьма важные для него оперативные извещения из Стамбула о возможности появления на российском юге «опасного» французского шпиона, бывшего полковника русской армии Франца Анжели. Сообщалось о большом восстании в Трапезунде, которое отвлекло на себя значительные силы султанской армии. Информировалось о том, что относительно военных приготовлений «здесь все тихо и спокойно»<sup>xiii</sup>.

В 1799 году отрешенный от военной практики М.И. Голенищев-Кутузов самым заинтересованным образом следил за действиями генерал-фельдмаршала А.В. Суворова-Рымникского на полях сражений с французами во время Итальянского и Швейцарского походов. При этом он пользовался самыми различными источниками, чтобы познать «победное» суворовское военное искусство с новым противником русской армии в лице войск революционной Франции, еще не ставшей наполеоновской.

Находясь по повелению императора Павла I на шведской границе, в городе Выборге, Голенищев-Кутузов просил даже свою супругу сообщать ему о суворовских победах во всех их подробностях,

которые становились известны в российской столице. Так, в одном из писем Е.И. Кутузовой от 15 июня 1799 года он писал: «Благодарю за известие о Суворове, и в гамбургских газетах есть, только не все...»<sup>xiv</sup>

Очень интересуясь событиями Итальянского похода, М.И. Голенищев-Кутузов 11 июня писал жене из Фридрихсгама: «Благодарю тебя, друг мой, за письмо от 8 числа и за вести добрые о Суворове, которому дай бог...»<sup>xv</sup>

20 августа пишется новое письмо: «Благодарю за известие о разбитии Моро»<sup>xvi</sup>. Речь шла о полученной ранее информации о победе суворовских войск в сражении при городе Нови 4 августа 1799 года. Битва при Нови стала одним из поучительных для военной истории образцов тактического искусства русского полководца на итальянской земле. В той большой битве была разгромлена французская армия в Италии, во главе которой стоял ее главнокомандующий генерал Ж.–В. Моро.

Преклонение М.И. Голенищева-Кутузова перед суворовским даром стратега и тактика хорошо известно. Современники не могли не видеть, что у великого полководца России есть достойные ученики, в том числе и будущий князь Смоленский. Еще при его жизни право на его «учительство» оспаривалось генерал-фельдмаршалом А.А. Прозоровским. В письме императору Александру I от 21 декабря 1807 года главнокомандующий Молдавской армией просил назначить ему в помощники М.И. Голенищева-Кутузова. Среди прочего, в письме говорилось: «К сему признаю я способнейшего генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова, который почти мой ученик и методу мою знает...»<sup>xvii</sup>

Однако известно, что для отечественной военной истории деяния генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского в ходе

русско-турецкой войны 1806–1812 годов заслуживающим внимания военным искусством не отличались. Более того, этот главнокомандующий Молдавской армии стал прямым виновником затягивания войны на Дунае в то время, когда император французов полководец Наполеон Бонапарт уже замышлял свой бесславный Русский поход 1812 года.

Суворовскую «Науку побеждать» М.И. Голенищев-Кутузов начал применять на практике уже в ходе той русско-турецкой войны. В секретном предписании от 27 марта 1807 года он приказывал генерал-майору казачьего войска Донского П.Д. Иловайскому 2-му организовать летучую почту на аванпостах: «...Желательно было бы и то, чтобы ваше превосходительство завели летучую цыдулу по примеру тому, как, вам известно, употреблялось в командование графа Александра Васильевича Суворова. Цыдула сия всегда отправляется от правого фланга постов наших через час после рассвета, ведется доброй рысью от одного поста к другому и на всяком посту, где есть офицер или грамотный приказной, подписывается на цыдуле; или, примером, виден был неприятельский разъезд или большая партия, примерно в таком то числе, не делали-ли какого поиска на посты. Надпись сия должна быть в простых коротких словах так, как разговаривают между собой казаки. Сия цыдула от одного поста к другому доходит до левого фланга, то-есть до Максимен, оттуда-же пересылается в Мартинешти в мое дежурство.

Ежели последует из Фокшан движение, то всякие сутки будете уведомлять, где будет находиться моя главная квартира»<sup>xviii</sup>.

Во время операции по окружению турецкой армии во главе с великим визирем на дунайском левобережье у Слободзеи, генерал от инфантерии М.И. Голенищев-Кутузов, уже в ранге

главнокомандующего Молдавской армии, по-суворовски быстро совершил обходной маневр. Он скрытно от неприятеля перебросил на правый берег сильный по составу корпус генерал-лейтенанта Г.И. Маркова. Русские с боем захватили Руцукский походный лагерь турок, и теперь армия великого визиря оказалась в прочной западне, лишившись возможности и наступать, и отступить.

Свой замысел проведения обходного маневра на противоположном берегу Дуная главнокомандующий Молдавской армии объяснил в письме военному министру генералу от инфантерии М.Б. Барклаю де Толли: «Необходимо нужно было запереть неприятеля таким образом, чтобы: 1) стеснить его способы прокормления конницы, и 2) чтобы толпы их не могли никак объехать наш правый фланг и наделать каких-либо шалостей позади нас: тогда бы должно было отделять отряды и гоняться за неприятелем...»<sup>xix</sup>

Полководцу М.И. Голенищеву-Кутузову была хорошо известна суворовская книга «Наука побеждать», которая имела широкое хождение в русской армии. Она состоит из двух частей: 1) «Ученье разводное, или пред разводом» и 2) «Словесное поучение солдатам о знании, для них необходимом». Если первая часть представляет собой примерный план и содержание типового тактико-строевого ученья войск, то вторая часть получила более широкую известность. В ней и изложены автором тактические принципы своей полководческой школы.

В целом «Наука побеждать» в своеобразной и оригинальной форме в предельно сжатом виде раскрывает сущность суворовской тактики и суворовской системы обучения и воспитания войск. По А.В. Суворову военное искусство состоит из трех составных частей:

«Первое – глазомер: как в лагерь стать, как идти, где атаковать,

гнать и бить.

Второе – быстрота...

Третье – натиск. Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет... У неприятеля те же руки, да русского штыка не знает...»<sup>xx</sup>

Эти три составные части суворовского военного искусства стали традиционными для русской армии во всех последующих после смерти русского военного гения войнах. Вопрос стоял только в том, насколько полно и инициативно они воплощались в военную практику.

Под «глазомером» понималась личная оценка военачальником обстановки и сил неприятеля, рекогносцировка местности для предстоящего сражения. Суворовский «глазомер» был рассчитан на самостоятельность и инициативу подчиненных полководцу командиров при ведении боевых действий. Так было в ходе Бородинского сражения. Именно такую самостоятельность и инициативу генерал-фельдмаршал М.И. Голенищев-Кутузов давал своим генералам в ходе контрнаступления русской армии и изгнания наполеоновской армии из российских пределов.

Контрнаступление кутузовской армии и в тактическом плане, и в стратегическом отношении стало развитием действий полководца А.В. Суворова в Польском походе 1794 года и Итальянской кампании 1799 года. Известно, что все крупные суворовские сражения неизменно завершались преследованием разгромленного неприятеля. Оно велось даже в сражениях на реке Адда и Треббия несмотря на противодействия командования союзников-австрийцев.

Главнокомандующий русской армии в 1812 году блестяще применил суворовский «глазомер» для оценки ситуационной обстановки, которая менялась день ото дня. И не менее успешно давал реальную оценку сил и боеспособности наполеоновской армии, ее

моральному состоянию, способности сопротивляться, возможностям получать резервы и обеспечиваться провиантом и боевыми припасами. То есть реальность данных кутузовского «глазомера» виделась современниками удивительной.

Войной 1812 года со дня Бородина «правил ум» полководца России, а не Наполеона Бонапарта. В столкновении двух военных вождей победил тот, кто опирался в своих действиях на более эффективную отечественную школу военного искусства. Для генерал-фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова она была суворовской. И ни какой иной.

«Быстрота» была самой сильной и самой характерной стороной суворовской тактики. Поскольку А.В. Суворову приходилось вести боевые действия совсем в иных условиях, чем полководцу М.И. Голенищеву-Кутузову в Отечественной войне 1812 года, то этот тактический прием претерпел известные изменения. Но все же Голенищев-Кутузов, при всей своей осторожности на войне, сумел воплотить в своем военном искусстве и это требование своего учителя. Быстрота в ведении контрнаступления обеспечивалась им прежде всего в организации действий казачьей конницы.

Лучшим примером тому могут служить действия легкоконных полков корпуса атамана генерала от кавалерии М.И. Платова при преследовании отступавшей французской армии по Старой Смоленской дороге. И действия армейского авангарда под командованием суворовского ученика, одного из лучших русских военачальников в 1812 году М.А. Милорадовича, отрядов преследования, которыми начальствовали генерал-майор Э.Ф. Сен-При и генерал-адъютанта В.В. Орлова-Денисова.

По А.В. Суворову «быстрота» и «натиск» только подготавливают

условия для «натиска». Натиск, или стремительный, сокрушающий удар, пехоты и конницы, совершаемый с полным напряжением всех сил и завершающийся преследованием неприятеля до полного его разгрома, решает исход как отдельно взятого сражения, так и всей войны.

В понятие «натиска» А.В. Суворов вкладывал и моральное содержание – неудержимый порыв вперед, веру в силу своего оружия, чувство коллективизма и умение действовать в ближнем бою. В суворовском натиске заключалось ядро его «смелой наступательной тактики». Суворовские ученики восхищались такой тактикой: эффективной, реальной, основанной прежде всего на понимании психологии и способностей русского солдата.

Полководец М.И. Голенищев-Кутузов, «спаситель России» применил суворовский натиск в иных масштабах, чем мог это сделать автор «Науки побеждать». Он применил этот суворовский прием и в сражении под Малоярославцем, и в ходе контрнаступления русской армии, которое велось настойчиво и целеустремленно до самой государственной границы. На всем протяжении пути отступления почти от самой Москвы прославленные победами на полях Европы наполеоновские маршалы и войска испытывали на себе жесткий натиск преследовавшего их противника.

Изгнание Великой армии императора-полководца Наполеона Бонапарта дало отечественной военной истории целый ряд сражений, как, например, под городом Красным, в которых находили воплощение «три воинские искусства» — глазомер, быстрота и натиск — генералиссимуса А.В. Суворова-Рымникского, которые сделали его непобедимыми. Без этого победа русского оружия в 1812 году вряд могла быть такой успешной, какой она была в действительности. И

какой запечатлелась в отечественной истории, в историческом сознании нашего народа.

Видели ли современники в полководце М.И. Голенищеве-Кутузове достойного продолжателя суворовских традиций? Ведь они первыми смогли по достоинству оценить воплощение идей полководческой школы А.В. Суворова в стратегическом и тактическом искусстве главнокомандующего русской армии в Отечественной войне 1812 года. И утвердительно указать «на» или «нет» на преемственность традиций в отечественном военном искусстве.

Такое право им давало то обстоятельство, что в русской армии еще служило немало генералов и офицеров, воевавших под суворовскими знаменами против турок, поляков и французов, прежде всего участников Итальянского и Швейцарского походов 1799 года. Они могли воочию сравнить два полководческих почерка, преемственность традиций в отечественном военном искусстве. И, наконец, дать со всей справедливостью оценку личности и деяний «спасителя России» в лице первого полного кавалера Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия генерал-фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова, заслужившего на поле брани титул князя Смоленского.

Ответ на этот закономерный и принципиально важный вопрос в оценке личности великого полководца дается в письме М.И. Голенищеву-Кутузову из Лондона от 18 марта 1813 года. Его автором являлся бывший русский посол в Англии с 1785 по 1806 год (с небольшим перерывом) граф С.Р. Воронцов, после отставки оставшийся жить в британской столице и внимательнейшим образом следивший за военными событиями в своем Отечестве:

«...Когда движения ваши для охранения Рязани, Тулы и Калуги, когда выбор лагеря, что вы укрепили, дали вам способ действовать для пресечения сообщения страждующего в Москве корсиканца с Вильною и Смоленском, откуда он ожидал подвозов и помощи, и когда сей изверг помышлял оставить сожженную Москву, вы разбили знаменитую часть его армии; а когда хотел насильно пробиться чрез Малой Ярославец на Калужскую дорогу, то, разбив его, принудили паки возвратиться на разоренную им самим Смоленскую и, идучи параллельно с ним по пути, во всем для вас изобильном, когда он бежал местами опустошенными, что, усугубляя его пагубу, решило оную совершенно под Красным; план сей кампании, толь мудро основанной и толь искусно исполненной, делает вам бессмертную славу.

После Красного деяния ваши были столь поспешны, что быстрота оных превзошла быстроту Суворова. В течение четырех месяцев ваша главная квартира из Тарутина перелетела в Калиш!..

Поздравляю вашу светлость, как истинной русской, как старой армейский ваш товарищ, поздравляю вас от искреннего сердца. Радуюсь душевно о ваших преотличных делах и заслугах и притом сознаюсь, что мое восхищение усугубляется, когда вижу, что все сии славные подвиги, сии великие услуги государству суть деяния коренного русского, а не иноплеменного...»<sup>xxi</sup>

#### Примечания

<sup>i</sup> А.В. Суворов. Документы. М., 1949. Т. I. – С.45.

<sup>ii</sup> *Синельников Ф.* Жизнь частная и характер Его Светлости Генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1814. Ч. I. – С.39.

<sup>iii</sup> М.И. Кутузов. Документы. М., 1950. Т. I. – С.49.

<sup>iv</sup> А.В. Суворов. Документы. М., 1951. Т. II. – С.325.

<sup>v</sup> Там же. С.336.

<sup>vi</sup> *Лопатин В.С.* Потемкин и Суворов. М., 1992. – С.141.

<sup>vii</sup> М.И. Кутузов. Документы. М., 1950. Т. I. – С.113.

<sup>viii</sup> Там же

- 
- <sup>ix</sup> *Петров А.К.* К биографии светлейшего князя  
Голенищева-Кутузова-Смоленского. Военный сборник, № 3, 1900. – С.233.
- <sup>x</sup> М.И. Кутузов. Документы. М., 1950. Т. I.– С.116, 117, 121.
- <sup>xi</sup> См.: А.В. Суворов. Документы. М., 1951. Т. II. – С.543-577.
- <sup>xii</sup> *Петров А.К.* К биографии светлейшего князя  
Голенищева-Кутузова-Смоленского. Военный сборник, № 3, 1990. – С.233.
- <sup>xiii</sup> М.И. Кутузов. Документы. М., 1950. Т. I. – С.218-219, 256.
- <sup>xiv</sup> Там же. С.483.
- <sup>xv</sup> Русская старина. 1870. Т. II. Изд. 2-е. – С.509.
- <sup>xvi</sup> Там же. С.510.
- <sup>xvii</sup> М.И. Кутузов. Документы. М., 1950. Т. I. – С.464.
- <sup>xviii</sup> М.И. Кутузов. Документы. М., 1952. Т. III. – С.117.
- <sup>xix</sup> Там же. С.627, 628.
- <sup>xx</sup> Суворов А.В. Наука побеждать. М., 1987. – С.24–25.
- <sup>xxi</sup> Архив князя Воронцова. Кн. XVI. М., 1880. – С.394.